

18+

Вера Оттер

САВАНТ

*Быть верным
Быть милосердным
Быть собой*

Вера Оттер

Савант

«Издательские решения»

Оттер В.

Савант / В. Оттер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902029-1

Земля-3 — это мир, где выживание становится главной целью, а чистое и непредвзятое мышление считается слабостью. Леонард, молодой человек с выдающейся памятью, добрым сердцем и диагнозом «отсталость в развитии», обладает уникальной способностью разбираться в психологии и помогает раскрывать сложные дела. Потерявшись во тьме и одиночестве, он все еще надеется найти путь к свету.

ISBN 978-5-44-902029-1

© Оттер В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Савант

Вера Оттер

© Вера Оттер, 2024

ISBN 978-5-4490-2029-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Быть верным, быть милосердным, быть собой

Леонарду было двенадцать лет, когда врачи из лечебницы Миддл-Таун, беспомощно разводя руками, оповестили мать, что ее единственный сын отсталый. Связано это было с метаморфозами мозга, прогрессирующей заторможенностью сознания, отсутствием интереса к окружающим людям и миру, неспособностью заводить друзей. По законам Земли-3 его мгновенно отнесли к неполноценным и записали на учет, разрушая шанс на нормальную жизнь.

Леонард помнил, что мама, его храбрая и сильная мама, в момент вынесения вердикта даже не изменилась в лице. Просто сжала тонкие губы плотнее, старательно приподняв их уголки в неискренней и жесткой улыбке. Она показательно гордо подняла подбородок, и ее каштановые волосы волной рассыпались по худым, острым плечам, открывая четко выделяющиеся ключицы.

– Мой сын не отсталый. Он особенный, – выговорила мама, не желая больше слушать ни одного слова из уст лечащего врача. Леонард помнил, как она крепко схватила его, цепляясь за слабую мальчишескую руку так, будто это последняя ниточка, соединяющая с реальностью. В тот день они пошли из лечебницы пешком, хоть путь предстоял не близкий. По дороге зашли в первое попавшееся кафе. Мама купила Леонарду большой бокал газировки, а сама активно принялась за обжигающе горячий кофе. Мальчик на все последующие годы четко запечатлел в памяти этот момент: красивая женщина тридцати с лишним лет, склонившись над дымящейся чашкой и закрыв глаза, вдыхала манящий кофейный аромат. Много позже запах кофе ассоциировался у Леонарда именно с матерью, хоть в их небольшой квартире никогда и не бывало такого деликатеса. Все деньги уходили на плату за квартиру, дешевые продукты и лекарства. Тот бокал газировки Леонард пил очень медленно, старательно пробуя на вкус сладость и остроту напитка. Из-за льда на дне бокала казалось, что газировка похожа на заточенные ножи, беспощадно режущие полость рта. Но боли не было, как и воображаемых ран. В желудке появилось странное ощущение наполненности, хоть Леонард и не помнил, когда ел в последний раз. В голове звучали слова лечащего врача, но почему-то в те мгновения мальчик не думал о том, насколько это больно и сложно для него и его матери. Тот момент – за бокалом газировки и витавшим в воздухе ароматом кофе – был лишь началом длинного и, несомненно, непростого пути.

После посещения кафе они пошли домой. Там пахло сыростью, и все казалось серым и тусклым, даже в свете ярких ламп. Мать велела Леонарду идти в комнату и заняться чем-нибудь интересным. Она знала, что что-то интересное для сына – это, конечно, книги. Самые разные и неподходящие для мальчика двенадцати лет. Леонард читал всё: от брошюр, найденных на улице, о всевозможных товарах, на покупку которых в их семье не было денег, до кулинарных рецептов, которые мать с таким трепетом вырезала из бесплатных газет. Вырезала, хранила, но никогда не пробовала готовить. И будь на то воля Леонарда, он бы потратил миллионы и миллиарды, лишь бы мать смогла купить необходимую кухонную утварь и продукты для своих рецептов. Но денег не было, поэтому рецепты оставались аккуратно хранимыми в старом томике книги абсолютно неизвестного автора. Ту книгу Леонард, конечно же, тоже прочитал.

Его увлекали буквы и то, как они красиво складывались в слова. То, как слова превращались в предложения, а предложения – в целые абзацы. Леонарду нравилось искать мысль повествования, то, о чем хотел рассказать автор написанного. Казалось, за каждым предложением стоит отдельная история, неподвластная обычному читателю. И когда Леонарду удавалось найти потаенный смысл, ликование мальчика не было предела.

Представлялось, что и жизнь можно разложить на абзацы, предложения, слова и буквы. Леонард видел это, но никогда не говорил. Не хватало еще дополнительных проблем! В обществе других людей, особенно сверстников, он чувствовал себя абсолютно лишним и не соответствующим. Впрочем, кажется, и общество это прекрасно осознавало. Поэтому у Леонарда не было друзей: ни в школе, ни в районе, где они жили. И если мама переживала, то Леонард вообще не думал об этой проблеме. Наедине с самим собой он чувствовал себя хорошо: спокойно и гармонично. Стремиться к обществу, которое не хотело его принимать и которое оказывало столь неприятное воздействие, казалось полным безумием. И хоть врач вынес приговор, назвав Леонарда отсталым в развитии, безумным двенадцатилетний юноша себя не ощущал.

Тот день, помимо кофейного аромата и болезненно-острого вкуса газировки, запомнился тем, что мать впервые за долгое время позволила Леонарду читать допоздна. На ночь она вошла к нему в комнату и оставила на прохладном лбу горячий поцелуй. Леонард тогда замер, осознавая рвущиеся из матери эмоции, которые она старательно не показывала. От шквала чужих чувств он ощутил разгорающуюся головную боль, берущую начало в области висков. Мать ушла в свою комнату, а Леонард так и остался сидеть, в тусклом свете лампы вглядываясь в ту же самую строчку, что и несколько минут назад. Его раздирало на части от эмоций матери. И острее всего ощущалось сожаление и невероятное чувство любви. Поцелуем она словно говорила, что никогда не оставит его.

Прошло шесть долгих лет, прежде чем мать сдалась на волю судьбы и покинула Леонарда. Той ночью она возвращалась с тяжелой рабочей смены, совершенно выбитая из колеи и мечтающая лишь о том, чтобы упасть на твердую постель, полностью окунувшись в прекрасное состояние сна. Она спешила, думая о том, чем занимается ее уже совсем взрослый и особенный сын. В последнее время Леонарда начали интересовать темы психологии и психиатрии, и он целыми днями и ночами зарывался во всевозможные книги, совершенно исчезая из реальности на время чтения. Школа давно закончена, но колледж для Леонарда оказался под запретом. Никто не хотел принимать на обучение неполноценного, несмотря на выдающиеся успехи в учебе. Но, кажется, Леонарда это не расстроило. Он принялся самостоятельно изучать то, что было интересно. Мать не волновалась, даже почти радовалась, что Леонард обладает удивительной способностью со страстью и жадой знаний окунается в различные области науки, медицины и искусства. Это завораживало, вызывая чувство гордости.

Она спешила, поэтому не заметила, что из-за поворота на огромной, значительно превышающей норму, скорости вылетела машина. Боль была мгновенной, а сознание – стремительно угасающим.

Когда Леонарду сообщили о произошедшем, он вновь оцепенел, как тогда, в вечер, когда мать оставила на лбу горячий, пылающий любовью поцелуй. Буквы больше не складывались в слова, и слова не складывались в предложения. Где-то внутри, в районе сердца, появилась миниатюрная черная дыра, с неземной силой засасывающая всего Леонарда без остатка. Волны вполне ощутимой физической боли распространялись от сердца во все стороны, достигая кончиков пальцев. Его трясло, дыхание никак не могло прийти в норму. Человек в полицейской форме пытался быть добрым и понимающим, но Леонард думал, что никто во всем мире не смог бы его понять.

Единственный и родной свет, так равномерно и тепло освещающий его жизнь, погас. В то мгновение началась новая жизнь Леонарда Саванта. Особенного человека, которого ожидал долгий и увлекательный путь из мрака в свет.

ГЛАВА 1

Идея отправиться вместе с Бенджамином на ужин не казалась ужасной Леонарду ровно до тех пор, пока он не увидел лицо помощника главного следователя – Кристофера Райса. Тот работал вместе с Беном в полицейском участке и всем видом показывал, насколько ему не нравится присутствие молодого эксперта по психологии. Это случалось даже, когда запутанные дела раскрывались лишь благодаря Леонарду. Впрочем, сам Леонард Савант привык к подобному негативному вниманию к своей персоне. Ему не было дела до чужого мнения, потому что в большинстве своем у всех оно одинаковое: неполноценным не место на Земле-3.

Земля-3 – местность, где жил Леонард – третий эксперимент Последнего государства. Первые два Савант за двадцать три года не застал. Землю-3 называли так из-за неудачных прецедентов, с надеждой на то, что в третий раз все пойдет хорошо. Как говорится, Бог любит троицу.

Земля-1 потерпела крах из-за алчности людей и возможностей использования разрушительного оружия. Бесчисленные войны породили эпидемии неизлечимых болезней, которые почти уничтожили население планеты. Именно на закате эпохи Земли-1 образовалось Последнее государство.

Земля-2 просуществовала не многим больше, ведь ресурсы оказались растрочены на безнадежные случаи человеческих заболеваний и метаморфоз. Уже тогда стала проявляться тенденция к жестокости, основанная на тезисе, что те, кто болен, не должны мешать жизни тем, кто здоров. Последнее государство обзавелось костяком правителей, где власть передавалась доверенным лицам. Обычный человек никак не мог повлиять на исход событий на Земле-2. Но, несмотря на это, курс на лечение человеческих метаморфоз признали ошибочным.

Земля-3 не приемлет отклонений, а ресурсы и оружие сконцентрированы в руках власть имущих. На улицах городов распространена бедность, но люди не думают жаловаться. Свобода слова позабыта, она воплощается в тихих разговорах по углам темных баров. На Земле-3 каждый выживает как может, а тот, кто не справляется с обстоятельствами, как правило, умирает в нищете и одиночестве. Уже пятьдесят лет Земля-3 держится наплаву, затмевая собой и Землю-2, и Землю-1.

– Лен! Леонард! – сквозь мысли в разум Леонарда прорвался требовательный голос Бенджамина. Парень тряхнул головой и сфокусировал взгляд на наставнике. Тот смотрел прямо, никогда не косясь, как многие знакомые и коллеги. Честность – вот что Леонард любил и ценил в Бене. Следователю не приходило в голову лгать, он принимал Леонарда Саванта таким, какой он есть. И сейчас темные глаза Бенджамина внимательно всматривались в лицо молодого подопечного, словно пытаясь понять, что же за мысли бродят в его голове. – Ты опять это делаешь! Выпадаешь из реальности. Иногда мне жутко интересно, что же ты думаешь в такие моменты. Вид такой, будто разгадываешь тайны вселенной.

– Просто кое-что вспомнил, никаких тайн и загадок, – спокойно, с еле заметной улыбкой, ответил Леонард, ощущая цепкий взгляд Кристофера. Тот смотрел так, будто взглядом пытался прожечь в Саванте дыру. – Ты не говорил, что Райс будет на ужине.

Бенджамин невесело рассмеялся и покачал головой. Положив руку на плечо Леонарда, он буквально потащил того к столику в кафе, где уже сидел Кристофер Райс в компании незнакомой Саванту серебристо-волосой девушки.

– Ваша вражда выглядит смешно, а мне в последнее время редко удается посмеяться. Не могу упустить шанс. Тем более я же знаю, ты бы провел вечер за чтением странноватых книг, совсем забыв об ужине, – произнес Бен, когда они оказались перед столом. Кристофер, а за ним и молодая незнакомка, поднялись с мест, чтобы поприветствовать. Обменяв-

шись рукопожатиями с Беном, Крис одарил Леонарда очередным холодным взглядом, а потом посмотрел на напарника.

– Ты не говорил, что Савант будет на ужине, – проговорил Кристофер так, будто Леонарда здесь и не было. Это вызвало на лице Бенджамина очередную улыбку. Савант никак не отреагировал на слова Райса, решив, что молодая незнакомка заслуживает большего внимания, чем вечные придирки Кристофера.

Тем временем девушка, переминаясь с ноги на ногу, словно волнуясь, обратилась к Леонарду.

– Меня зовут Темпл, я сестра Кристофера. Вы ведь Леонард Савант? Крис иногда упоминает вас, когда говорит о работе, – протянув руку, молодая мисс Райс смущенно улыбнулась. На щеках появились умильные ямочки, а выразительные зеленые глаза сверкнули в тусклом свете люстр кафе. Леонард прищурился и покачал головой. Если бы ему было дело до того, что подумает девушка, то он бы, наверняка, расстроился. Потому что Кристофер Райс точно не мог упоминать его, используя хотя бы не бранные слова.

– Да, я – Леонард. Приятно познакомиться, Темпл, – ровно произнес Савант, аккуратно пожимая хрупкую руку. После он легко отодвинул для девушки стул, закрывая разговор. Махнув рукой и послав лучезарную улыбку Бенджамину в качестве приветствия, молодая мисс Райс уселась на свое место, дотрагиваясь тонкими пальцами до чашки с дымящимся напитком. Леонард уловил и с наслаждением вдохнул кофейный аромат. В голове мгновенно возник нежно хранимый в памяти образ матери, но Савант с трудом все же заставил себя не придаваться кратким вспышкам памяти. Леонард обещал сходить на ужин с Бенджаминем и не собирался портить вечер выпадами из реальности, как это называл сам следователь. Впрочем, вести светские беседы Савант не собирался тоже.

За ужином разговаривали в основном Кристофер и Бен. Обсуждая работу, мужчины не обращали внимания на притихшую Темпл, которая вяло ковырялась вилкой в салате. Леонард периодически отвечал на заданные вопросы, наслаждаясь вкусом и довольно аппетитным видом картофеля. Он чувствовал, что молодая мисс Райс из-под ресниц внимательно наблюдает за ним. Савант явственно ощущал это кожей, но не подавал виду. Он и сам успел хорошенько рассмотреть новую знакомую. Ее короткие ногти выкрашены в яркий фиолетовый цвет, а на участке кожи возле шеи виднелся слой пыли, словно она дотронулась до этого места руками, испачканными в земле. То, что девушка так смотрела на него... В этом не было ничего удивительного и неожиданного. Леонард тот, кого на Земле-3 называли неполноценными. Люди с особенностями в развитии, те, кого природа прокляла, даруя шанс быть не такими, как все.

«Быть хуже», – слышалось в средствах массовой информации и на улицах.

«Быть другими», – думал Леонард, но никогда не говорил этого вслух.

«Быть особенными», – отдавались в голове Саванта давние слова матери. Помнится, она постоянно повторяла, что он ничего не должен обществу, кроме трех вещей: быть верным, быть милосердным, быть собой. И хоть с момента смерти матери прошло значительное время, ее слова все еще звучали в голове Леонарда так, будто это было вчера. Его мать была мудрой женщиной, но она плохо понимала, что за жизнь ждет повзрослевшего сына с пометкой «поставлен на учет» в медицинской книжке.

У него не было внешних проявлений давнего диагноза. Зато у многочисленных знакомых из одной из двух лечебниц для неполноценных – Миддл-Таун – они были. Там Савант помогал врачам и медсестрам, зарабатывая на жизнь, одновременно исследуя удивительные случаи изменения личности человека. Его страсть к психологии и психиатрии не прошла спустя долгие и одинокие пять лет со смерти матери. Леонард намеренно устроился в подобное заведение. Собственно, там его и нашел Бенджамин Уокер – старший следователь местной полиции. Он вел расследование по какому-то запутанному делу, и совершенно случайно вовлек Саванта

в собственные размышления вслух. Тогда Леонард указал Уокеру на детали, в последствие ставшие ключом к раскрытию дела. Бенджамин был поражен и впечатлен, поэтому, тут же выбил из начальства разрешение принять молодого специалиста на работу в качестве приглашенного эксперта. Что же такого особенного заметил в нем Бенджамин, Леонард так и не понял. Впрочем, то, что следователь предложил Саванту место консультанта при полицейском участке, не понял вообще никто.

Тем не менее замысел Бенджамина оправдал себя. Леонарда Саванта, двадцатитрехлетнего работника лечебницы для неполноценных, вызывали на расследования особенно странных и, с психологической точки зрения, непонятных обычным людям, дел. И он проявлял себя с самой лучшей стороны, помогая полиции раскрывать подобные загадки. Леонарду казалось, что в полицейском участке большинству глубоко плевать на то, полноценный он, по мнению общества, или нет, пока дела раскрываются, а преступники упекаются за решетку. Но из каждого правила всегда есть исключения. Кристофер Райс оказался удивительно стойким в своем неприятии Саванта, как эксперта и личности в целом.

– Так вы, Леонард, тоже из этих? – чуть скосив взгляд в сторону, поинтересовалась Темпл. Савант покачал головой и слабо улыбнулся. Сколько раз за последние несколько лет он слышал подобные вопросы? Достаточно, чтобы привыкнуть. Сколько раз ему было неловко отвечать на них? Ни разу. Леонард никогда не стыдился того, кем являлся. Любовь и вера матери сделали свое дело – за прошедшие годы ничто, кроме смерти родного человека, не смогло затронуть чувства и сердце.

– Что вы имеете в виду, мисс Райс? Из «этих» в смысле из тех, кого называют неполноценными? – спокойно ответил вопросом на вопрос Савант. И хоть подобное любопытство не задевало Леонарда, в его глазах миловидность Темпл мгновенно поблекла. Впрочем, чего можно ожидать от сестры Кристофера Райса?

– Ох, нет, вы меня неправильно поняли! – девушка смущенно замахала руками, на бледном лице вспыхнул румянец. Савант приподнял бровь, действительно не понимая поведение Темпл. Немного придя в себя от смущения и неловкости ситуации, но продолжая краснеть, она объяснила. – Я имела в виду полицейских. Вы ведь тоже полицейский?

– О, вы об этом... – Леонард на мгновение даже растерялся, но тут же взял себя в руки. Он так привык к вопросам о неполноценности в обществе Земли-3, что совсем не был готов к обычным вопросам, который звучат за вечерним ужином. – Нет, я не полицейский. Меня вызывают исключительно на консультации. На самом деле я работаю в Миддл-Таун – лечебнице для неполноценных.

– Неужели? – Темпл наклонилась ближе к Леонарду, и ему захотелось отодвинуться. От нее пахло цветами, но какими именно – Савант не определил. И аромат кофе не давал покоя. Ощущая, как призраки прошлого накрывают разум, Леонард пытался оставаться собранным и сосредоточенным, не выпадая из реальности. Сделав усилие, он не тронулся с места. Эта девушка вызвала странное чувство – хотелось бежать подальше. От нее и от простых вопросов. И от любопытства, которое звучало в звонком голосе. Она вела себя подозрительно непредвзято, и это заставляло думать о ловушке. Тем временем Темпл продолжила. – Как интересно! Крис рассказывал, что вы консультируете, но он не уточнял, по каким вопросам. Значит, это именно вы составляете психологические портреты преступников и пытаетесь понять образ их мышления? Я слышала про ужасное дело о кукольнике. Знаю, прозвучит жутко, но мне было очень любопытно следить за ходом расследования! Я буквально заставляла Кристофера рассказывать хоть что-то, а потом по крупицам составляла общую картину происходящего. Вы даже не представляете, насколько сильно мне хочется поближе с вами познакомиться. Возможно, вы смогли бы подкидывать информацию из полицейского участка?

– У вас очень своеобразные интересы, Темпл, – покачал головой Леонард. Он помнил каждое дело, над которым работал. Двенадцать. Их было ровно двенадцать за прошедший год.

И дело о кукольнике – одно из самых отвратительных и бесчеловечных. Хотя о какой человечности может идти разговор, если речь об убийцах? Ненормальный мужчина глубоко за пятьдесят убивал юных девочек и оставлял несчастных жертв подвешенными на нитях, словно их тела просто марионетки в кровавых руках. Ничего более жуткого Леонард еще никогда в жизни не видел. – Кем вы работаете? Учитывая странное любопытство, я бы предположил, что вы журналистка, – в голосе Саванта проскользнула неприязнь. Журналистов он на дух не переносил.

– Нет, предположение не верно, – Темпл покачала головой, в очередной раз удивляя Леонарда. – Я заведу цветочным магазином на углу возле центральной площади. А еще я – сестра полицейского и ярый фанат детективных романов, отсюда и, как вы выразились, странный интерес.

– О, теперь все встало на свои места, – усмехнулся Леонард. – Понятно, например, почему у вас в волосах пыльца, на шее грязь от земли, а сама вы благоухаете чем-то цветочным, несмотря на аромат кофе, которым пропахло все вокруг. Сейчас я четко улавливаю аромат роз. Скорее всего – белых, они пахнут более нежно, чем красные.

– Я пахну цветами? Подобных комплиментов мне еще не говорили, – Темпл смутилась и легко улыбнулась.

– Это не комплимент, мисс Райс, – покачал головой Леонард, чем заставил улыбку на лице Темпл медленно поблекнуть. – Просто факт, наблюдение, ничего больше. Но если вам приятней думать о моих словах, как о комплименте, пожалуйста, я не против.

Наступила тишина. Леонард предпочитал смотреть в сторону, но все равно ощущал внимательный взгляд Темпл. Он знал, что повел себя не вежливо, расстроив словами ни в чем неповинную девушку, но ничего поделать с собой не мог. Из-за образа жизни и знака, нависшего над личностью, Леонард привык не подпускать людей близко. И легче сразу обрубить все начинания, чем позже наблюдать за тем, как человек разочаровывается.

– Вы действительно отличаетесь от всех, кого я знаю, Леонард, – только и проговорила Темпл, прежде чем снова упереться взглядом в недоеденный салат. Кофе в ее кружке остыл, аромат роз становился ярче. Голос у молодой мисс Райс не дрожал и был тихим и спокойным. Никаких намеков на обиду или злость. Савант несколько мгновений внимательно вглядывался в бледное девичье лицо, а потом отвел взгляд в сторону и покачал головой. Конечно же, в ее словах был двойной смысл. И, конечно же, Леонарду все еще плевать на это. Тем не менее ужин превращался для него в кошмар. Он привык находиться в одиночестве, и подобные внезапные идеи Бенджамина по сближению Саванта с обществом, катастрофически плохо воздействовали на настроение и эмоции.

– Прошу прощения, мне нужно отойти, – быстро произнес Леонард и, не дожидаясь реакции от удивленного Бенджамина и настороженного Кристофера, направился в сторону уборных. Только оказавшись вне досягаемости взглядов следователей и Темпл, Савант смог вздохнуть с облегчением. В уборной горел тусклый светильник, стены выкрасили в ядовитый зеленый цвет, и от этого пространство казалось нереальным. Леонард подошел к раковине и включил холодную воду. Над умывальником висело заляпанное и пыльное зеркало, и, умывшись, Савант всмотрелся в отражение. Из зеркала смотрел молодой мужчина с короткими темно-русыми волосами. В зеленоватом свете комнаты глаза Леонарда казались темными. Но он знал – на самом деле они холодного серого цвета. Была мысль, что подобный цвет достался от отца, так как у матери были карие глаза. Впрочем, Савант не мог и не желал знать правду. Его отца никогда не было рядом, и для Леонарда его не существовало.

Холодная вода помогала прийти в себя. Ему было некомфортно в ситуациях, где обитали простые люди, разговаривающие о самых обыкновенных делах и будничных проблемах. И ему совсем некомфортно рядом с девушками, которые вели себя непредсказуемо. А Темпл Райс вела себя именно так. Она должна была обидеться, отодвинуться подальше от Саванта и пере-

стать кидать любопытные взгляды. Но Темпл не обиделась и не отеклась от идеи поближе узнать Леонарда.

Нельзя сказать, что Савант был окружен толпой поклонниц, но редкие свидания дали понять, что мало кто, узнав об «особенности» стерпит его рядом с собой. Исключения случались, но слишком редко, чтобы стать правилом. Ни с кем из этих девушек Савант не продержался достаточно долго. Или лучше сказать, что это они не продержались достаточно долго с ним?

– Тсс, чувствуешь? Пахнет гнильем, – вдруг прозвучал тихий голос позади Леонарда. Он не вздрогнул и не обернулся, наблюдая в пыльное зеркало, как словно ниоткуда появился мужчина, одетый в серые, потрепанные одежды. Выглядел незнакомец ошеломленным: глаза широко распахнуты, а рот чуть приоткрыт, на лице выражение удивления, смешанного с ужасом. Подойдя ближе к Саванту, он уставился на его отражение в зеркале. Леонард четко уловил запах алкоголя и грязи. – Ты чувствуешь это? Я чувствую. Всё умирает, все умирают. И везде этот запах! Отвратительно!

– Как вас зовут? – спокойным голосом поинтересовался Леонард. У него отличный опыт работы с ненормальными людьми. А все в незнакомце выдавало отчаянно сдерживаемый невроз.

– Не важно, все не важно. Все гниет, и запах цветов не спасает. Лилии? Розы? Нет, определенно, нет. Может быть, ромашки? Или маки? – отстраненно смотря по сторонам, незнакомец направился к выходу. Как только дверь захлопнулась, хлопком приводя Саванта в чувство, он мгновенно развернулся и поспешил вслед за странным мужчиной. Но когда Леонард оказался за пределами уборной, сумасшедшего и след простыл. Растерянно осматриваясь по сторонам, Савант ощущал в груди беспокойство. Точно такое же чувство было в день, когда погибла мать. Это всколыхнуло старые воспоминания и ощущения, заставляя сердце стучаться быстрее.

– Савант! Эй, Савант! – напряженный Кристофер оказался перед Леонардом, заставляя того немедленно прийти в себя. Райс не заметил перемены в поведении Леонарда. Или же, скорее всего, ему плевать. – Звонили из участка, новое дело. Бенджамин хочет, чтобы ты поехал с нами, так что пошевеливайся, – и, не обращая внимания на то, следует ли за ним Савант, Кристофер продолжил. – Убили молодую женщину, кажется, на подходе новый психопат.

– Это еще почему? – возвращая концентрацию и уверенность, поинтересовался Леонард. Он беспрекословно следовал за Крисом, обратив внимание на то, что их стол опустел. Ни Бенджамина, ни Темпл в кафе не было.

– Труп женщины покрыт цветами, – ответил Райс.

* * *

По дороге в участок в машине стояла напряженная тишина. Темпл пришлось взять с собой, так как ехать до ее дома было хоть и недалеко, но хлопотно, учитывая то, что вызывали их в полицейский участок экстренно. Кристофер отказался отпускать сестру в одиночестве блуждать по улицам вечернего города. Особенно – в свете последних известий. Впрочем, Бенджамин полностью его поддержал.

Леонард ощущал, как от сидящего за рулем Кристофера исходила волна недовольства. Наверно, это ощущал каждый сидящий в машине. То и дело Савант наткнулся на внимательный взгляд зеленых глаз Райса, смотрящих на него из зеркала заднего вида. Леонард не отводил глаз, просто смотрел в ответ, совершенно не отдавая себе отчет в том, что старается оказаться как можно дальше от притаившейся рядом с ним Темпл. Возможно, Кристофера раздражал именно тот факт, что драгоценная сестра вынуждена делить сиденье с неполноценным. Или что Савант вообще находится в этот момент с ними. Или же что он существует. Вариантов множество.

– Хватит сверлить Саванта взглядом, – наконец, не выдержал Бен. В голосе сквозила серьезность, смешанная с напряжением. Бенджамин вернулся в рабочий режим. А на работе он не был другом или приятелем. На работе Бенджамин Уокер – главный следователь центрального района Земли-3. – Следы за дорогой и расскажи подробнее о новом деле.

– Сообщили, что жертву нашли в одном из переулков рабочего квартала. Недалеко от въезда на центральную улицу. Молодая белая женщина, тридцать один год, каштановые волосы, светлые глаза. Работала в пекарне неподалеку, скорее всего, возвращалась со смены, когда было совершено нападение. Если бы не специфичность, то нас бы не потревожили, списав на обычный грабёж.

– Так у нее украли кошелек? – уточнил Леонард, Кристофер ничего не ответил, но кивнул, продолжая рассказ.

– Ребята из патруля решили, что это по нашей части. Жертва лежала обнаженная на белой простыне, вся покрытая цветами. Тело обмыто, волосы расчесаны, ногти острижены. Таким образом, убийца привел ее в порядок для похоронной церемонии.

– Вряд ли он имел в виду именно это, – покачал головой Савант. Тут уж Кристофер не выдержал и, быстро обернувшись, смерил Леонарда недовольным взглядом.

– Давай, Савант, удиви своими догадками, ты же у нас знаток психопатов, – фыркнул Кристофер. От этих слов Леонард хмыкнул и покачал головой. Выпады Райса давно перестали впечатлять.

– Да, именно так, психопаты – это мой профиль, – согласился Савант, чем вызвал несмелую улыбку на лице Темпл. Он не обращал внимания на то, что девушка даже после неловкого разговора в кафе с интересом рассматривает его. Эти любопытные взгляды похожи на наблюдение врачей, заинтересованных удивительным случаем изменения человеческой психики. Леонард множество раз видел подобное. Словно рядом с лекарями не человек, а лабораторная крыса. – Кража кошелька – не мотив, это и так понятно. То, что жертва обмыта и расчесана, значит, что убийца хотел, чтобы ее вид вызывал не отвращение, как все, что связано со смертью. Он хотел, чтобы ею восхищались, несмотря на то, что она мертва. Цветы, скорее всего, инструмент для той же цели.

– Аромат цветов может перебить запах смерти. Возможно, поэтому убийца осыпал тело цветами, – вставила слово Темпл. Савант заинтересованно посмотрел на нее, больше она не улыбалась. На миловидном лице появилось знакомое выражение сосредоточия, которое Леонард часто видел у Кристофера. Все же, брат с сестрой удивительно похожи друг на друга. И крашенные в серебристый цвет волосы Темпл не смогли бы никого обмануть. Савант легко мог представить молодую мисс Райс с такими же темными волосами, как и у Кристофера. Тем временем Темпл продолжила. – Обычно для похоронных церемоний подбирают цветы с ярко-выраженным ароматом. Например, лилии или хризантемы. Белые лилии со времен Земли-1 считаются похоронными цветами.

– Понятно, – кивнул Бенджамин, а потом повернулся к Кристоферу. – Какие цветы были на месте преступления?

– Не лилии, – качнул головой Райс. – Красные маки.

– Как удобно, что у нас в машине оказался эксперт по цветам, – усмехнулся Бенджамин и вопросительно посмотрел на Темпл. Девушка нахмурилась.

– Что вы можете рассказать об этих цветах? – поинтересовался Леонард. Темпл на несколько мгновений отвела глаза, словно что-то вспоминая. Ее рот приоткрылся, и Савант заметил небольшой шрам на подбородке.

– Насколько я знаю, красные маки являются символом чистоты и свободы. Но есть информация, что на Земле-1, в стране под названием Египет, красные маки символизировали женскую красоту, грацию, очарование и молодость. В то же время поля красных маков воспри-

нимались, как земли, орошенные кровью воителей или солдат. Так что однозначной трактовки символизма красных маков не существует.

– Интересная ремарка, спасибо, – снова кивнул Бенджамин и уставился в окно, раздумывая о чем-то своем. Вечернее небо Земли-3 заволокло тучами, вот-вот должен начаться дождь.

– А их аромат? – задал вопрос Леонард. Темпл неопределенно пожала плечами.

– Трудно выделить что-то особенное в аромате цветов, Леонард, – проговорила девушка. Савант вздрогнул от того, как просто она обратилась к нему по имени, переходя на «ты». Это резануло слух не только ему, Кристофер вздрогнул, но ничего не сказал, продолжая вести машину. – Если лилии пахнут резко и свежо, то маки – из другой оперы. Их аромат сладкий, слабо пряный, пудровый. Особенно мягким и нежным аромат маков становится на морозе.

– Скорее всего, убийство произошло вечером. А прошедшей ночью было холодно, – заметил Кристофер, Савант согласно кивнул.

– Ты прав, – Леонард задумался обо всем услышанном, совершенно не замечая, что уставился он в лицо Темпл. Несколько мгновений она смущенно ерзала, а потом поняла, что смотрит Савант не на нее конкретно, а сквозь. Серые глаза Леонарда в затемненной машине казались темно-синими, а из-за отрешенного взгляда по коже Темпл пробежались мурашки. В слабом освещении фонарей с улицы, четко выделились скулы мужчины, тонкие губы приоткрылись. В этот момент Савант выглядел жутко. Усмехнувшись своим глупым мыслям, девушка отвернулась к окну. Начался дождь.

Оставшийся путь спутники ехали в тишине. В полицейском участке Кристофер угрожающим тоном велел Темпл оставаться в кабинете и не высовываться. Вечер пятницы, весь участок стоял на ушах. В канун выходных дней и праздников случалось большинство задержаний. Люди расслаблялись, кто-то умудрялся найти дешевый и некачественный алкоголь, сильно действующий на способность мозга нормально функционировать. А где алкогольное опьянение, там и мысли, что человеку дозволено все.

– Все, идем. Посмотрим на тело, хватит разговоров, – сурово проговорил Бенджамин и, не обращая внимания на неподдельный интерес, смешанный с толикой страха, во взгляде Темпл, закрыл перед ее лицом дверь кабинета. – Райс, Савант, шевелитесь, не на курорте.

И Леонард, и Кристофер ничего не ответили, и направились вслед за следователем. В полицейском участке Бенджамин преобразался – во всем облике проявлялась удивительная решимость, выражение лица становилось каменным, во взгляде невозможно было уловить и намек на мысли, которые крутились в голове следователя. Саванта подобная метаморфоза приводила в изумление. Насколько разными могли быть люди в зависимости от окружающей обстановки и обстоятельств! Ему казалось, что сам он всегда ведет себя одинаково. Одинаково отстраненно.

– Плохо, что мы не смогли посмотреть на жертву на месте преступления, – произнес Кристофер, Леонард согласно кивнул. Да, оценить место, где нашли тело, было бы лучше и результативнее, чем жертву и место по отдельности. Но выбирать не приходилось.

– Осмотрим и проанализируем то, что есть, – отмахнулся Бенджамин. – Завтра мы с тобой, Райс, отправимся на место преступления, а Савант, – следователь обернулся к Леонарду, – составит правдоподобный портрет убийцы, а еще обдумает парочку версий на тему мотива преступления.

– Понял, сделаю, – кивнул Леонард. Завтрашний день обещал быть насыщенным. С утра Саванта ждали в лечебнице, а к вечеру на столе Бенджамина должен лежать доклад по делу. Леонарду нравилось быть занятым, и неважно, где именно. Главное, что он чем-то занимался, а значит, был полезным. Постоянное внушение обществу того, что люди, живущие на Земле-3, обязаны быть полезными другим, принесло плоды. За прошедшие одиннадцать лет под знаком «неполноценного» Савант успел научиться не воспринимать чужие речи, но даже он чувствовал воздействие каждодневной пропаганды. Общество считало бесполезных индивидов

такими же неполноценными, как и больных людей. Леонард думал, что Земля-3 с ее одурманенными неверными установками жителями более больна, чем все пациенты в лечебнице Миддл-Таун вместе взятые.

Когда трое мужчин оказались в подвальном помещении полицейского участка, которое являлось одновременно моргом и местом работы медицинских экспертов, в воздухе повис противный сладковато-приторный запах формалина. Но в привычном аромате раствора формальдегида проявлялись и другие нотки – масло и цветы.

На железном столе лежало тело молодой женщины, по грудь накрытой белой простыней. Ее каштановые волосы разметались и больше не выглядели расчесанными и красивыми, выражение лица оставалось безмятежным и отстраненным. Губы выделялись голубоватым цветом на бледной, почти прозрачной коже. Если бы не явные признаки смерти, можно было подумать, что женщина крепко спит.

– Окопчение толком не прошло, – произнес появившийся из смежной комнаты медицинский эксперт. Пожилой мужчина с внушительной седой бородой и холодным взглядом синих глаз – Джордж Томпсон. – Доброго вечера, коллеги, – Джордж кивнул Леонарду и Кристоферу и протянул руку Бенджамину.

– Не такой уж и добрый, Джордж, – покачал головой следователь, отвечая на рукопожатие. – Значит, прошло не больше тридцати шести часов?

– Около двенадцати-четырнадцати, если быть точным, – согласно кивнул Томпсон. – Причина смерти тебе понравится, Савант. Девушке вырезали сердце.

Леонард нахмурился. Многие в полицейском участке, наверно, думали, что он несказанно счастлив, когда происходят ужасные убийства. Но Савант не видел ничего, что могло бы порадовать. Какому нормальному человеку могло нравиться что-то подобное? Разве что тому, кто сам принимал в этом участие.

– Чем ее усыпили перед убийством? – задал вопрос Леонард. Джордж улыбнулся и кивнул.

– Сразу к делу? Мне нравится твой подход, – начал Томпсон. Он подошел ближе к столу, на ходу натягивая белые перчатки. Потом Джордж приспустил простыню, открывая неприятный вид на обезображенное женское тело. Посередине груди тянулся аккуратный разрез, было заметно, что убийца накладывал швы, и сделано это довольно профессионально. Джордж указал рукой на разрез. – Прежде чем делать операцию, убийца вколол жертве быстродействующее усыпляющее средство в область шеи. Мои подопечные уже определяют состав лекарства. Скорее всего, это было сделано со спины, так как после потери сознания, жертва упала плашмя. На коленях и животе есть ссадины от столкновения с асфальтом. После убийца перенес тело жертвы в место, где с помощью профессиональных хирургических инструментов провел операцию по удалению сердца.

– Охотники за органами? – задал вопрос Кристофер.

– Вряд ли, – ответил Томпсон. – Слишком странно в таком случае вырезать исключительно сердце. Женщина была абсолютно здорова. Будь я охотником за органами, то вырезал бы все.

– Сердце обнаружено на месте преступления? – поинтересовался Бенджамин, Джордж покачал головой.

– Нет, его так и не нашли ни на месте преступления, ни в окрестностях. Возможно, новый убийца-психопат предпочитает оставлять себе частичку жертвы на память, – на этих словах Томпсон улыбнулся, будто произнес что-то действительно смешное.

– Господи, ну и чувство юмора у тебя! – повысил голос старший следователь. – Мы смотрим на труп зверски убитой молодой женщины, а ты умудряешься смеяться.

– Смех продлевает жизнь, товарищ следователь, – отмахнулся медицинский эксперт. – Возможно, будь женщина более смешлива, она была бы жива...

– Понятно, что дальше? – перебивая Джорджа на полуслове, спокойно проговорил Савант. Он видел, что от пренебрежительных слов эксперта в глазах Бенджамина вспыхнул гнев, способный вылиться в ненужную сейчас перебранку.

– После того, как убийца вынул сердце жертвы, он не спешил закрывать разрез. Вместо этого залил в грудную клетку эфирное масло.

– Эфирное масло? – недоуменно переспросил Бенджамин, мгновенно забывая о непозволительном поведении эксперта. – Зачем?

– Чтобы внутри она пахла также хорошо, как и снаружи, – ответил за Джорджа Савант. Он задумчиво смотрел на мертвое тело, пытаясь понять логику поведения убийцы. Но то, что совершивший подобное зверство человек является психически неуравновешенным, ясно уже сейчас. Не обращая внимания на вопросительные взгляды Райса и следователя, Леонард продолжил рассуждать. – Он вынул сердце, залил внутренности эфирным маслом... Что это было за масло? Какой состав?

– Грейпфрут и ветивер, – с готовностью проговорил Томпсон, с неприкрытым восхищением смотря на Саванта.

– Грейпфрут и ветивер, – повторил Леонард, складывая руки на груди. – Эфирное масло с подобным составом раньше называли смесью Афродиты – богини красоты и любви в Древней Греции времен Земли-1. То есть можно предположить, что убийца вложил в мертвое тело частичку красоты, а потом аккуратно зашил разрез, правильно?

– Все верно, Савант! – с восторгом в голосе воскликнул Джордж Томпсон, а потом, повернувшись к Бенджамину, заговорил шепотом. – Когда твой ручной эксперт начинает строить теории, я весь трепещу. Удивительный ум, отличная находка!

– Далее убийца сделал все, чтобы жертва выглядела цветущей и красивой: обмыл тело, обрезал ногти, расчесал волосы, уложил их в элегантную прическу. Он даже позаботился о том, чтобы, когда тело найдут, она все еще была чистой – постелил под жертву простыню. И последним штрихом стали цветы. Красные маки, обладающие терпким сладким ароматом, способным перебить даже запах смерти, – закончил Леонард, не отрывая взгляда от жертвы. Ему в голову приходили странные мысли, наподобие той, что будь это молодая женщина живой и не отмеченной печатью смерти, то имела бы много общего с его собственной матерью. Те же густые темные волосы, та же стройная фигура и руки, на которых виднелись следы тяжелого ежедневного труда.

– Реалистичная картина, молодец, Савант, – произнес старший следователь и нахмурился. После он обратился непосредственно к медицинскому эксперту. – Что насчет отпечатков?

– Ничего нет. Скорее всего, убийца использовал перчатки. Мои эксперты с утра поработают на месте преступления, но сомневаюсь, что что-то найдут. Убийца основательно подошел к делу, – покачал головой Томпсон.

Пару минут они молчали, каждый думал о своем.

– Есть еще что-нибудь, что мы должны знать? – наконец, задал вопрос Кристофер, которому, похоже, не терпелось покинуть морг.

– Возможно, это важно, – кивнул Джордж Томпсон. – Жертва не была подвергнута сексуальному насилию, хотя и найдена обнаженной. Помимо ссадин и разреза после извлечения сердца – нет никаких признаков побоев. Очень чистая и профессиональная работа. Я бы подумал, что операцию делал кто-то с медицинским образованием, если бы не знал, насколько изумительные работы могут проделывать психически неуравновешенные люди, ничего общего с медициной не имеющие.

– Ясно, спасибо, Томпсон, – сосредоточенно кивнул Бенджамин и направился вон из морга. Вслед за ним пошли Кристофер и задумчивый Леонард.

После удушающего аромата формалина, масла и цветов, воздух в полицейском участке показался чистым. Вдохнув полной грудью, Леонард медленно выдохнул, приводя мысли в порядок. На него произвело впечатление это дело, и он будет счастлив, когда психопата, совершившего подобное, упекут за решетку.

Войдя в кабинет, мужчины остановились возле рабочего стола следователя. Темпл, свернувшись калачиком, спала на старенькой софе. На лице играла загадочная улыбка, будто сон ее радовал. Леонарду в голову пришла случайная мысль. Насколько не похожи сейчас та мертвая женщина на железном столе и Темпл Райс, буквально пышущая жизненной энергией и здоровьем. Савант подумал, что не за что не хотел бы, чтобы Темпл когда-нибудь оказалась в такой безвыходной ситуации, что и молодая женщина с красивыми каштановыми волосами.

– Дело жуткое, – тихо, стараясь не разбудить Темпл, вынес вердикт Бенджамин. – Но будем придерживаться плана. Завтра я и Крис отправимся на место преступления и попробуем найти зацепки, а ты, Савант, продолжай думать. У тебя отлично получается.

– Хорошо, – кивнул Леонард, ловя недовольный взгляд Райса. Тот заметил, как внимательно Савант смотрел на его спящую сестру и явно заподозрил что-то не то. – Тогда пойду домой. Завтра с утра меня ждут в лечебнице, после буду здесь.

– Все, договорились, доброй ночи, Леонард, – дружелюбно, но все еще мрачно (явно под впечатлением от увиденного в морге), произнес Бенджамин и хлопнул парня по плечу. Леонард махнул рукой Кристоферу, но тот никак не отреагировал, поэтому Савант спокойно направился к выходу.

Уже была настоящая ночь, и на улице моросил неприятный холодный дождь, но Леонард предпочел пройтись пешком несколько кварталов до своей квартиры. Что-то было не так, это дело становилось особенным с каждым мгновением его раздумий о деталях произошедшего. В памяти постоянно всплывал образ жертвы и то, как каштановые волосы рассыпались на железном столе морга. Саванта мутило от осевшего в носу и мозгах запаха эфирного масла и цветов. Пройдя несколько кварталов, он понял, что не может справиться с позывами организма. Завернув за первый попавшийся угол, Леонард облокотился о стену, чувствуя головокружение. Его немедленно стошнило.

ГЛАВА 2

– Вас снова мучили кошмары? – голос ровный, не выражающий ни одной эмоции.

Тишина.

– О чем вы думаете? – также спокойно допытывался врач.

Тишина.

– Возможно, хотите что-то рассказать? – о, вот здесь проскальзывает толика надежды.

Но в ответ снова тишина.

Савант никогда не вдумывался в смысл вопросов, которыми лекари закидывают пациентов Миддл-Таун. Каких ответов они ждали? Несчастные, попавшие под знак неполноценных, в большинстве своем, действительно очень больны. Перечень психических заболеваний использовался со времен Земли-1, периодически дополняясь. И Леонард этот список знал досконально. Каждую мелочь, любой симптом он видел мгновенно. Иногда это здорово мешало жить. Поэтому Савант научился отключать взгляд эксперта по психиатрии.

Хоть в больнице он значился санитаром, его ценили. Прекрасная память и сосредоточие на выполнении поставленных задач вкупе с удивительной неразговорчивостью и исполнительностью – Савант оказался незаменим в Миддл-Таун. Так, во всяком случае, не уставали повторять изнеможенные ночными сменами медсестры.

Персонала катастрофически не хватало. Неудивительно, что на работу в лечебницу принимали каждого, кто изъявлял желание. В этом Леонарду повезло. С его медицинской карточкой и отсутствием должного образования было сложно найти хорошую работу. Впрочем, ему повезло дважды. В первый раз, когда в Миддл-Таун закрыли глаза на его диагноз, а во второй – когда Бенджамин Уокер появился в жизни Саванта.

Он смотрел на то, как доктор с равнодушным выражением лица повторял вопросы, а пациент – худой мужчина лет сорока – также продолжал молчать. Как и десять лет до этого. У пациента в карточке значился диагноз «мутизм», и пока что никаких результатов методики лекарей не давали. Савант терпеливо ждал, когда врач закончит, чтобы помочь больному принять лекарства и устроиться на жесткой постели.

Когда лекарь исчез из палаты, Леонард точными движениями выполнил свои обязанности, удостоившись кивка благодарности от пациента, но уходить не спешил. Он знал наверняка, что больного не тяготит его общество, ведь Савант, как и сам пациент, хранил молчание. Каждый думал о своем, если, конечно, пациент вообще был в своем уме.

Леонард стоял возле зарешеченного окна и смотрел вдаль на проезжающие по шоссе машины. Их не слышно в лечебнице, будто это место находилось под невидимым куполом, защищающим от вторжения чего-либо извне. Иногда Савант ощущал подобный купол и вокруг себя: был только он, и рядом никого – ни людей, ни звуков, ни запахов.

Медленно переведя взгляд на задремавшего пациента, Леонард задумчиво уставился на него. С самого утра в голове крутились мысли об открывшемся деле. Он размышлял обо всех деталях, складывая их, как частички мозаики, в одну большую картину. Было легко представить убийцу в белоснежной форме пациента Миддл-Таун. Савант не сомневался, что корни сотворенного преступником где-то в нарушенном, искаженном травмой, разуме. Что же могло толкнуть человека на совершение столь изощренного преступления? Отторжение чувства отвращения к смерти, замещение эмоций восхвалением и красотой мертвого тела. Словно смерть не что иное, как переход в наилучший мир, а не боль, потеря и горе.

Ощущение смерти Савант знал не понаслышке. Ему приходилось испытывать боль потери. Он помнил скромные похороны матери и немногочисленных людей, пришедших проводить женщину в последний путь. В смерти не было ничего прекрасного. Как бы красиво

и аккуратно человек не выглядел, в гробу над ним висел символ отчаяния и потери. Красотой там и не пахло.

Что своим представлением хотел показать преступник? Из-за чего возникла ужасная потребность убивать? И будут ли другие жертвы?

На эти вопросы Леонард не мог дать ответы, но совсем скоро он во всем разберется.

Пациент еле слышно засопел, и молодой санитар решил больше не оставаться в палате. Больные нуждались в отдыхе. Кто знает, возможно, состояние сна – единственный способ для пациентов оставаться собой. Вдруг во сне они не страдают от навязчивых состояний и проявлений диагнозов? Вдруг только в сновидениях они снова гуляют по паркам с родными и близкими, наслаждаясь лучами теплого летнего солнышка, просачивающимся сквозь изумрудную листву деревьев.

На Леонарда сон никак не воздействовал. Возможно, дело в том, что ему редко снилось хоть что-то, что он не забывал в первые же минуты после пробуждения. Сны – единственное, что Савант мог забыть. Все остальное, хоть раз прочитанное, впечатывалось в память. И Леонард не в силах исправить это. Иногда он целенаправленно пытался добиться забвения, но ни алкоголь, ни медицинские препараты не спасали.

– Леонард! – негромко позвала медсестра со смотрового пункта, и парень неторопливо направился к ней. Ее звали Луиза, у нее двое несовершеннолетних детей. Именно поэтому Луиза загружала себя сменами в лечебнице, пытаясь в одиночку прокормить семью. Насколько Леонард знал, мужа у нее нет. Иногда Савант угощал Луизу купленными в пекарне по дороге на работу пончиками, а она его – домашним сидром, изготовленным по собственному рецепту. Леонарду нравилась эта медсестра. Хотя бы потому, что она была добра к нему. А еще Луиза красивая, несмотря на темные круги под глазами – результат бессонных ночей.

– Что-то случилось? – поинтересовался Савант, подойдя ближе. Луиза вымученно, но искренне улыбнулась и покачала головой. Две прядки, выпущенные из-под шапочки медсестры, качнулись из стороны в сторону.

– Просто хотела сказать, что на сегодня твоя смена закончена. Никаких процедур больше не назначено, можешь идти домой.

– Хорошо, спасибо, – кивнул Леонард и, развернувшись, собирался пойти в раздевалку для персонала, как его догнала фраза Луизы.

– Там у ворот тебя ждут, – в голосе медсестры проскользнула смешинка. Савант недоуменно обернулся и приподнял бровь. Никто, кроме Бенджамина, никогда не заходил к нему в Миддл-Таун. Луиза, хитро улыбаясь, пояснила. – Девушка. Очень вежливая и милая. Правда, несмотря на это, ее не пропустили. Поэтому она ждет у ворот.

Леонард ничего не ответил, только пожал плечами и направился переодеваться. Он понятия не имел, кто эта девушка, что ждет его, хотя мысли, конечно, имелись. Когда он вышел за пределы лечебницы, догадки подтвердились. Возле машины Кристофера Райса, скрестив руки на груди и смотря в сторону, стояла Темпл. Она будто не замечала мелкий дождик, который не прекращался с прошлой ночи, капая на ее непокрытую капюшоном серебристую макушку. Стояла и смотрела в никуда, захваченная своими мыслями.

Савант не смог определить эмоцию, которую испытал, увидев девушку. Недоумение? Настороженность? Возможно, интерес.

– Так что ты тут делаешь, Темпл? – без приветствий, напрямик задал вопрос Леонард, вырывая девушку из размышлений. Она вздрогнула и поежилась, словно только сейчас заметила, что погода не слишком теплая. Обратив взгляд на Саванта, Темпл улыбнулась и неопределенно пожалала плечами.

– Была рядом с лечебницей и подумала, что могу тебя подвезти, раз уж мне все равно нужно в полицейский участок. Хорошо, что не опоздала, и ты не уехал без меня, – ровно ответила девушка и направилась к водительскому месту, как бы подразумевая, что отказа быть

не может. Открыв дверь, Темпл спокойно села и посмотрела на все еще стоявшего на месте Саванта. – Садись уже, Леонард, я не кусаюсь.

– Сомневаюсь в этом, ты же Райс, – пробурчал Савант, но в машину сел.

Некоторое время они ехали молча, хотя у Темпл явно имелись вопросы. Леонард мог прочесть это по выражению ее лица. Ему казалось довольно забавным – ее стойкое сопротивление желанию выпалить вопросы в один миг. Именно поэтому Савант молча наслаждался тем, как нагнетается обстановка в машине. Темпл не выдержала примерно на десятой минуте тишины.

– Так как дела, Леонард? – начала девушка. С губ Леонарда сорвался смешок, и она кинула быстрый взгляд на него. Нахмурившись, Темпл закусила губу. – Отсчитывал минуты, когда я заговорю? Я для тебя как открытая книга, не так ли? Ты легко считаешь мои эмоции.

– Верно, – согласился Савант и отвернулся к окну. – Но это не страшно. Наверняка найдется кто-то, кто посчитает тебя невероятно загадочной, мужчины ведь любят загадки. Тебе не стоит переживать.

– Я и не переживаю, – холодно заявила Темпл, чем вызвала у Саванта очередную улыбку. Он снова ее задел. Но, кажется, в этот раз молодая мисс Райс не собиралась отступать. – Как ты это делаешь?

– Что именно? – переспросил Леонард, не отрывая взгляда от города за стеклом. Осень на Земле-3 не красно-желтая а серая. Впрочем, как и любое другое время года. Бенджамин рассказывал, что раньше осень называли золотым сезоном. Города утопали в желтой листве, вызывая восхищение. Ничего, кроме тоски, у Саванта осень не вызвала. Восхищаться серостью и слякотью было глупо.

– Как ты замечаешь детали, позволяющие догадываться о мыслях и чувствах людей? – пояснила Темпл, внимательно следя за дорогой. Дождь значительно усилился. Но щетки на стекле с пронзительным скрипом справлялись со своей работой. Равномерный и монотонный звук успокаивал Леонарда.

– Не знаю, это происходит само по себе, – честно ответил Савант. Он действительно не знал, как это получается. И, по правде говоря, разбираться ему не хотелось. Достаточно того, что это помогало зарабатывать на жизнь и избегать неприятностей.

– У Кристофера есть соображения на этот счет, – как бы между прочим заметила Темпл. Леонард хмыкнул.

– Конечно же, есть. Твой брат терпеть меня не может с самого начала знакомства. Легко угадать его мысли по поводу всего, что связано со мной.

– Так ты допускаешь, что удивительные способности – это последствия твоего... хм, – Темпл замаялась, не зная, как правильно выразиться, чтобы не прозвучало грубо.

– Моего диагноза? – подсказал Леонард. Чуть смутившись, девушка кивнула. – Все возможно, мисс Райс, я не думаю об этом. И ты не забивай голову ненужными размышлениями.

Снова наступила тишина. Слышался шум с дороги и то, как дождь отстукивает собственный ритм по поверхности машины. Звук убаюкивал, заставляя Леонарда желать закрыть глаза и уснуть. Но с Темпл этот трюк бы не прошел. Она неспроста забрала его с лечебницы. Ей нужны ответы.

– Знаешь, твоя манера поведения больше не срабатывает, – вдруг проговорила Темпл. Савант заинтересовано уставился в ответ, совершенно не понимая, что она имеет в виду. Заметив взгляд Леонарда боковым зрением, девушка разъяснила. – Я про привычку отталкивать от себя.

– Я никого не отталкиваю.

– Да, да, именно это ты и делаешь, – повеселела Темпл. – О тебе мне рассказывал не только Крис, но и Бенджамин. Знаешь, он очень высокого мнения о тебе, а я доверяю его

чутью. Именно поэтому мне любопытно узнать тебя лучше. Необязательно отталкивать всех, кто проявляет интерес, Леонард.

Савант решил промолчать. Ему не хотелось знать то, что о нем рассказывали. И ему не хотелось, чтобы Темпл бесцеремонно пыталась понять или стать его другом. Леонард уверен был в одном – его до чертиков настораживали и пугали подобные желания новых людей в его жизни. Никогда никому не было дела до него, а теперь в окружение настойчиво пытается ворваться миловидная девушка с решительностью носорога, которая совершенно не умеет скрывать чувства, да к тому же задает провокационные вопросы.

– Опять тишина, – Темпл усмехнулась, а Савант тем временем порадовался, что они приехали в полицейский участок. Как только машина остановилась, Леонард собирался выскочить из машины и спастись бегством. Позорно? Возможно. Благоразумно? Еще как!

Но Темпл снова спутала все его планы. Ее узкая ладонь вдруг оказалась на руке Леонарда, заставляя вздрогнуть и быстро поднять взгляд на спутницу. Кажется, в отличие от него, у Темпл не было проблем с коммуникабельностью. Если человек ей приглянулся, то для жертвы оставалось два пути – или разрешить Темпл разобраться, или же уезжать подальше – в надежде, что любопытство девушки не дотянется до жертвы.

У Темпл нежная кожа, и из-за близости Савант вновь ощутил нежный аромат роз. Купается она в их лепестках что ли? Леонарду стало неудобно. Красивая девушка проявляла интерес к его персоне, но ощущение было такое, что за искренними улыбками стоит что-то более опасное и недопустимое, чем сближение с другим человеком. Савант понял – он боялся, потому что понимал, что этой девушке, кажется, по силам задеть его чувства и сердце. Решительность и добродушие Темпл пугали, хотя Леонард и не привык бояться хрупких блондинок. В ней чувствовалась сила и легенда, способная заинтересовать Саванта. Но он помнил, что она – сестра Кристофера. А это опасная территория.

– Эй, Леонард, – произнесла девушка, и он напряженным взглядом посмотрел на нее. Темпл тепло улыбалась. Казалось, что за ее улыбкой не стоит какой-то другой интерес. Саванту почти захотелось, чтобы это было так. В зеленых глазах Темпл сверкали смешинки. – Знаешь, меня мало кто может заинтриговать и... Я знаю, что просьба может показаться наглостью, но...

– Тогда не задавай вопрос, Темпл, – перебил ее Савант, на что она сильнее заулыбалась. А яркие зеленые глаза засверкали ярче, словно девушка вот-вот готова рассмеяться. Казалось, ее ситуация веселила.

– Нет уж, я его задам. Сегодня у меня работа до позднего вечера, но после я абсолютно свободна. Не мог бы ты меня встретить? Я бы с удовольствием прогулялась перед сном. К тому же, чтобы хорошо мыслить и поймать преступника, тебе тоже периодически нужно проветривать мозги.

Леонард внимательно смотрел на Темпл, не понимая, что же такого она увидела в нем, раз так отчаянно хочет сблизиться. Игра в гляделки прервалась настойчивым стуком в стекло. И Темпл, и Леонард вздрогнули, быстро приходя в себя. Девушка мгновенно убрала ладонь с руки Саванта, и начала суетливо вытаскивать что-то с заднего сидения. Леонард вышел из машины, сразу же натываясь на недовольный взгляд Кристофера Райса. Савант устало вздохнул. Еще этого ему не хватало.

– Какого черта ты делаешь с моей сестрой, Савант? – выпалил Райс, гневно сверкая зелеными глазами, словно пытаясь пробуровать взглядом в Леонарде дыру.

– И тебе привет, Кристофер, – фыркнул Савант и устремил взгляд на Темпл. Он не собирался объясняться, пусть эта хитрая барышня сама разруливает ситуацию, в которую они попали. Темпл выпорхнула из машины, неся в руках пакет с едой. С подозрительно невинным видом девушка торжественно вручила обед брату и только потом заговорила.

– Не сердись, братец. Я решила подвезти Леонарда до полицейского участка, мне все равно нужно было к тебе, – улыбнулась Темпл. Кристофера перекосило, и он готов был сказать

что-то наверняка нелицеприятное, но тут сестра решила его добить. Она шустро повернулась к Леонарду и произнесла решающую фразу. – Жду тебя в половину одиннадцатого возле центрального сквера, Леонард! У меня осталось примерно тысяча вопросов, на которые ты должен ответить!

На этих словах Темпл махнула рукой в знак прощания и немедленно ретировалась, оставляя невозмутимого Саванта наедине с разъяренным Кристофером.

– Ты... – начал Райс, Леонард перевел уставший взгляд. Лично у него создавалось впечатление, что Темпл только рада позлить брата. И почему-то Леонарду думалось, что он в этом представлении выступал в роли инструмента. Тем временем Кристофер взял себя в руки. – Не смей приближаться слишком близко к моей сестре, Савант.

– О, я и не настаиваю, поверь, – хмыкнул Леонард и направился к входу в участок. Ему смерть как надоела эта только-только начавшаяся игра Темпл. Но на встречу с ней он, конечно, явится. Хотя бы ради того, чтобы высказать все, что думает. Ну и проводить девушку поздно ночью до дома было бы правильно, не так ли? Отсутствием надлежащих манер Савант не страдал. Мать старалась воспитывать его правильно, рассказывая о том, что важно. Несмотря на то, в каком обществе и месте живет человек.

– Я не договорил, Савант! – зарычал позади него Кристофер, направляясь следом. Райс злился. Ох, как он был зол! Леонард чувствовал гнев Кристофера, поэтому ему не терпелось поскорей увидеться с Бенджамин. В присутствии главного следователя Райс не станет переходить на оскорбления и говорить о личных делах. На работе нужно делать работу. И Леонард именно этим и собирался заниматься, а не защищаться от несправедливых нападков. Он еще выскажет Темпл все, что думает по этому поводу. Только это случится вечером. А сейчас нужно сосредоточиться на деле, ведь именно этого от него ждет Бенджамин.

– Добрый день, – ровно проговорил Леонард, как только вошел в кабинет Уокера. Тот сидел за столом, внимательно читая тоненькую папку с делом новоявленного убийцы. Увидев Саванта, на лице следователя появилась еле заметная улыбка. Но строгость во взгляде не исчезла ни на мгновение.

– Привет, Леонард, – бодро ответил Бенджамин и со вздохом отложил папку в сторону. Он хотел сказать что-то еще, но в кабинет вихрем ворвался Кристофер, сжимая в руке пакет с едой так сильно, что бумага жалобно поскрипывала при каждом движении. – Кристофер! И ты тут, славно. Нам как раз необходимо провести небольшое совещание.

– Как скажете, старший следователь, – грубо выговорил Райс, кинув пакет на свой стол и тут же яростно уставившись на застывшего с невозмутимым видом Саванта. Бенджамин в замешательстве переводил взгляд с одного подчиненного на другого, а потом, словно сдавшись, покачал головой.

– Как дети малые, ей богу! Когда вы перестанете воевать, ведь не первый год работаем вместе, – произнес следователь, а потом, выпрямившись в кресле, заговорил о деле. – Но в сторону все, кроме нашего убийцы. Савант, с утра мы с Райсом были на месте преступления...

– Нашли что-нибудь? – заинтересовался Леонард, аккуратно облакачиваясь о стол и скрепя руки на груди. Он уже забыл свое недовольство поведением Темпл, работа вышла на первый план. Если бы еще Кристофер перестал сверлить гневным взглядом, стало бы совсем замечательно.

– Нет, все чисто. Наш убийца оказался на редкость предусмотрительным. Никаких зацепок, которые указали бы на дальнейшее развитие расследования. Единственное, мы выяснили, что место проведения операций должно находиться в непосредственной близости. Возможно, даже точно, у убийцы есть машина.

– Тогда мы не можем быть уверены, что это мужчина, а не женщина, – предположил Савант.

– Верно, но все же – стиль убийства больше подходит мужчинам.

– Убийство совершено поздним вечером, неудивительно, что он провернул все без свидетелей. Ночью даже в центре мало кто появляется на улице, а уж в рабочих районах...

– Точно, – кивнул Бенджамин. – Завтрашним утром родственники убитой устраивают похороны. Есть шанс встретиться с ними сегодня. Нас ждут через полтора часа.

– Родственники? – переспросил Савант. Вот об этом он совсем забыл, погружаясь в раздумья о мотивах убийцы. – Кто у нее остался?

– Престарелая мать и малолетний сын, – с печалью в голосе проговорил Бенджамин. Кристофер отвел взгляд, а Леонард кивнул. Он не испытывал особой грусти. Да, жаль родственников, потерявших родного человека. Но намного больше Саванта занимал вопрос убийцы.

Не говоря ни слова, Леонард махнул рукой Бенджамину и направился в комнату отдыха полицейских. Естественно, у него не было своего кабинета в участке. И, конечно же, Леонард предпочел бы работать не под суровым взглядом Кристофера. Ему нужно сосредоточиться, оставалось полтора часа до встречи с родственниками жертвы. И за это время Саванту необходимо наработать хоть какие-то версии произошедшего.

Леонард сел за угловой столик возле окна, чтобы не привлекать внимания, и достал из кармана легкой куртки небольшой блокнот и карандаш. Сосредоточенно записывая на пожелтевшем листке бумаги мысли по поводу дела, Савант и сам не понял, как начал проигрывать в голове разговоры, которые велись об этом происшествии. То, что сказал Кристофер по дороге в полицейский участок, информация Темпл о цветах, вердикт Томпсона, минимальные заключения Бенджамина после осмотра места преступления... Все складывалось в загадочную картину, в которой не доставало массы элементов.

В чем особенность жертвы? Почему убийца выбрал ее? Означает ли внешность, что у психопата есть определенный типаж? Довольно сложно было бы сказать наверняка, обладая лишь одним телом в морге. Или же убийца не выбирал специально? Она просто стала жертвой обстоятельств, наткнувшись на психопата в темном переулке? Может ли это убийство быть чем-то личным? И знала ли жертва убийцу?

Что именно убийца хотел показать своими приготовлениями и представлением Савант уже понял. Это довольно ясно, несмотря на отсутствующий мотив. Но ведь иногда жажда убийства является единственным мотивом преступника. Что, если это как раз-таки такой случай?

– Савант, – через какое-то время произнес кто-то совсем рядом. Леонард вздрогнул, словно очнувшись от сна. На самом деле, когда он погружался в размышления, мало что могло помешать. Шум превращался в тишину, взгляды переставали волновать. Ничего не мешало Саванту думать. Но сейчас кто-то недовольно тряс его за плечо, хватаясь холодной рукой и сжимая так, словно хотел причинить боль. Этим кто-то оказался Кристофер. – Пошли, пора ехать к родственникам жертвы.

Леонард несколько мгновений заторможено осознал сказанное Райсом, а потом встряхнулся, заодно скидывая руку Кристофера с плеча. Поднявшись на ноги, Савант спрятал блокнот и карандаш в карман и направился к выходу, но его задержал Кристофер.

– Савант, – снова проговорил Райс. Леонард, нахмурившись, обернулся к нему, вопрошительно приподнимая бровь, – Темпл – единственная моя семья, ясно?

– Предельно.

– И я не хочу, чтобы с ней случилось что-то неправильное или плохое. Моя сестра любит влипать в истории из-за чрезмерного любопытства, но разговор не об этом, – продолжил Кристофер. То, куда клонил Райс, озадачило Саванта, заставляя чувствовать недоумение. Неужели Кристофер действительно думал, что Леонарду это нужно? Все эти игры с Темпл. Неужели Райс действительно так глуп?

– Если думаешь, что я заинтересован в ней, то ошибаешься, – ровно проговорил Леонард. Его голос прозвучал холодно, хоть он этого и не хотел. Но лицо Кристофера чуть смягчилось.

Савант явно увидел это – Райс действительно переживал за сестру. Странно было осознавать, что угрозой он считал именно Леонарда.

– Ей не нужно это, – уверенно произнес Кристофер. – Она не должна быть в компании с такими, как ты. Так что дай слово, что будешь держаться подальше.

Савант на мгновение опешил. Но обиды не было, он чувствовал себя таким же спокойным и собранным, как и всегда. Леонард раздумывал над ответом лишь несколько секунд.

– Скажи это сестре, Райс, не мне, – отрезал Савант и, развернувшись, вышел из комнаты, оставляя Кристофера в одиночестве. Леонард представил, как бы ответила на слова братца сама Темпл. Он живо вообразил ее нахмуренное, недовольное лицо и то, как чуть приоткрывается рот, готовый выпустить на волю импульсивную, непродуманную речь. Яркими зелеными глазами она бы метала молнии, а руками активно жестикулировала, наглядно показывая негодование.

Представив все это, Савант понял одно – он придет к ней на встречу вечером и все разъяснит. Ему не нужны лишние проблемы, и не нужно ее внимание.

* * *

Дом жертвы находился совсем рядом с местом преступления. Полуразрушенное кирпичное здание, которое исправно давало приют множеству семей. Возле входа стояла деревянная скамейка, на которой крепким сном спал мужчина в потрепанной одежде. Он тяжело дышал и прижимал к себе старенькую сумку, из которой виднелся пакет с бумагами. Савант подумал, что, возможно, этот мужчина работал в курьерской службе. На более respectable работу его бы не за что на свете не приняли в таком виде.

Проходя мимо, Кристофер нахмурился от едкого запаха грязи, но ничего не сказал и не сделал. Леонард заметил это и усмехнулся. К подобному можно было привыкнуть. На Земле-3 в большинстве своем люди работали, не покладая рук, совершенно забывая о самых элементарных нуждах. Савант мог поспорить, что и жилья у мужчины нет. Поэтому он и спит на скамейке дома в рабочем районе, где никто его не потревожит.

Поднявшись на второй этаж, следователи и Леонард остановились возле старой двери, которая еле держалась на петлях. Из недр квартиры слышался плач ребенка. Мужчины обменялись взглядами, и Бенджамин постучал. Плач на мгновение стих, послышались тяжелые и медленные шаги. Когда дверь распахнулась, перед следователями появилась старенькая женщина с полностью седой головой. Она была худой, почти костлявой, но глаза светились ярким синим цветом. Леонард подумал, что у людей с такими глазами, наверное, до последнего мгновения жизни разум остается чистым и ясным, как в молодости. А еще в глазах старой женщины читалась стойкость и упрямство. Савант испытал что-то вроде симпатии к этой бедной, наказанной жестокими обстоятельствами, но отважной, женщине. Сам Леонард не питал иллюзий по поводу того, что доживет до старости. Врачи много лет назад неустанно повторяли, что неполноценные не живут долго. Особенно – на Земле-3.

– Вы из полиции, – произнесла женщина и отошла в сторону, пропуская мужчин в квартиру. – Вижу по лицам, что не просто поздороваться зашли. А ты кто? – мать жертвы остановила Леонарда рукой, заставляя того чуть отодвинуться. Он уловил еле заметный запах мыла, исходящего от женщины, и заставил себя смотреть прямо в яркие глаза. От нее не пахло старостью.

– Меня зовут Леонард Савант, я помощник следователей в деле убийства вашей дочери, – спокойно ответил Леонард. Женщина несколько секунд внимательно разглядывала его лицо, а потом, словно сдавшись, пропустила в квартиру.

– Не нравятся мне все эти эксперты, помощники и далее по списку. Предпочитаю, чтобы приходили официально уполномоченные лица, – пояснила она. – Меня зовут Ридда, а там, в комнате, ревет Джон. Мне пришлось сказать ему все, как есть. Что завтра нужно будет похо-

ронить его мать. Никак не могу успокоить мальчишку с самого утра. Я, к сожалению, не отличаюсь умением ладить с детьми.

– Я смогу успокоить его, – вдруг сказал Савант. – Если вы, конечно, не против, – он и сам не знал, чем руководствовался, когда вызвался на подобное дело. Ридда окинула его подозрительным взглядом, но махнула рукой в сторону комнаты мальчика, словно решив, что хуже не станет. Леонард посмотрел на Бенджамина, и тот дал согласие, кивнув.

– Иди, присоединишься позже, – произнес старший следователь. Леонард неспешно отделился от коллег, направляясь к сыну жертвы. Когда он почти достиг двери в комнату, до него дошла фраза Ридды, провожающей следователей вглубь квартиры.

– Проходите дальше. Я знаю, что сейчас начнется. Куча вопросов о дочери. Но ничего стоящего я вам не сообщу, к сожалению.

Савант зашел в комнату сына жертвы, открыв скрипучую дверь. На одно мгновение плач стих, а потом возобновился, казалось, с новой силой. Леонард остановился на пороге, осматривая комнату и чувствуя, как сердце внутри сжимается. На стенах наклеены серые обои, а пол был довольно грязным. Но возле стены стоял шкаф, забитый книгами и журналами. На полках не было пыли, словно каждый экземпляр постоянно использовался по назначению. Этот шкаф напомнил Леонарду собственную старую комнату. Там, правда, не было полок, и книги лежали на полу, аккуратно сложенные в стопки. Но общая атмосфера серости узнавалась с легкостью. Эта семья жила бедно.

Напротив шкафа стояла кровать, на которой и распластался источник плача.

– Эй, привет, Джон, – ровно произнес Леонард и медленно подошел к кровати. Худой мальчишка лет десяти никак не отреагировал на слова Саванта, продолжая утыкаться лицом в тонкую подушку, кажется, полностью промокшую от слез. – Я здесь, чтобы помочь тебе.

У Саванта не много опыта общения с детьми. Но он легко чувствовал настроение и эмоции людей, и это могло помочь в нелегком деле успокоения ребенка. Во всяком случае, Леонард очень надеялся.

Плач на мгновение стих, и мальчишка приподнял голову, чтобы посмотреть на говорившего. Внимательно осмотрев Саванта с ног до головы, мальчик шмыгнул носом и поменял положение, облокотившись о стену. Он уселся и обнял мокрую подушку руками, прижимая ее к себе. От долгого плача у него покраснелось и припухло лицо.

– Вы вернете маму? – тихо поинтересовался Джон, и Леонард застыл. Наивный и такой простой вопрос. Несколько секунд он молчал, а потом, покачав головой, ответил честно.

– Никто и ничто уже не вернет тебе маму, Джон.

Наступила тишина. Леонард продолжал стоять, прямо смотря на Джона, отмечая, что у него такие же яркие глаза, как у бабушки. Джон, закусив губу и прижимая к себе подушку с такой силой, что побелели костяшки пальцев, старательно пытался не зареветь.

– Тогда вы ничем не можете мне помочь, сэр, – тихо проговорил мальчик и отвел взгляд в сторону.

Леонард, обдумывая дальнейшие слова, молчал, а потом присел на жесткую кровать. Раздался скрип, отвлекая Джона от созерцания книжного шкафа.

– Да, твоя мама умерла, – аккуратно начал Савант, – но ее убийца не найден, а это значит, что я могу тебе помочь.

– Вы – полицейский? – в голосе мальчика появилась заинтересованность.

– Нет, но я работаю со следователями, расследующими дело твоей матери, – честно ответил Леонард. Ему трудно было смотреть на Джона из-за вспыхивающих в голове воспоминаний из собственного детства. В день смерти матери к нему приходил человек, и он тоже пытался быть добрым и чутким по отношению к осиротевшему молодому человеку. Савант помнил, что тогда ему не нужна была жалость. Тогда он нуждался в сострадании и честности. – Видишь ли, Джон, я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь и какие эмоции испытываешь.

– Да что вы говорите, – в словах мальчишки появился сарказм, но Леонард никак не отреагировал на это. Злость – неотъемлемая часть вихря эмоций от утраты родного человека. Поэтому Савант кивнул.

– Моя мать погибла, когда мне было восемнадцать. Я был старше, и мне было легче смириться с этой мыслью, чем тебе. Хотя сравнивать боль от потери близких людей кажется неуместным и недопустимым.

Джон ничего не ответил, просто снова отвел взгляд в сторону. Леонард продолжил речь.

– Тогда меня мало волновало хоть что-то, я цеплялся за реальность, пытаюсь не утонуть в море сожалений. Мне казалось, что я слишком редко говорил, что люблю ее, что ценю все, что она делает. Что я благодарен ей за шанс являться ее сыном, и что я горд, что именно она – моя мать, – с грустью выговорил Леонард. Ему не приходилось заставлять себя вспоминать. Все эмоции пятилетней давности застыли в сердце, не померкнув с годами.

– Вы не один такой, – вымолвил Джон, и Савант мысленно поразился, насколько повзрослому прозвучала эта фраза из уст мальчика.

– Да, подозреваю, что так и есть, – кивнул Леонард. – Людям кажется, что время для подобных слов всегда есть и будет. Но когда что-то ужасное случается, они жалеют о том, чего не сказали.

Слезы на щеках Джона высохли, краснота медленно проходила. Мальчик хмурил брови, все еще цепляясь за подушку, словно пытаюсь сдержать чувства.

– Послушай, Джон, ты совсем молод, и сможешь выбрать для себя любую дорогу. У тебя есть бабушка, которая, я, больше чем уверен, не даст свернуть с намеченного пути...

– Моя бабушка раньше была начальницей в местной аптеке, – вставил Джон.

– То, что она бывшая начальница – это заметно, – ухмыльнулся Савант, на что Джон впервые за все время разговора чуть улыбнулся.

– Она строгая, но справедливая.

– И она – твоя семья. А семья – это сила, понимаешь? – продолжил Леонард. Он и сам не знал, откуда у него берутся правильные слова. Но, глядя на приходящего в себя мальчишку, Савант понимал, что все делает верно. – Разве можно лежать, уткнувшись в подушку и плакать, когда рядом с тобой есть близкий человек? Твоя бабушка не молода, и ей также больно, как и тебе. Именно ты должен позаботиться о ней. Так же, как она заботится о тебе.

– Да, – отважно кивнул Джон и, отбросив мокрую подушку в сторону, сжал руки в кулаки. Во взгляде появилось что-то похожее на решимость, – бабушка тоже страдает. И ей нужна моя помощь, – взлохматив непослушные волосы, мальчишка встал с кровати. – Пойдемте, сэр, если бабуля увидит меня в нормальном состоянии, то и сама приободрится.

Леонард кивнул, и направился вслед за решительно шагающим к двери Джоном. Тот остановился только в тот момент, когда открыл дверь. Он раздумывал пару секунд, прежде чем обратиться к Саванту.

– Вы и вправду сможете найти того, кто отнял у нас маму? – тихо спросил Джон, глядя Леонарду прямо в глаза. Савант кивнул.

– Я сделаю все, чтобы поймать преступника.

– Я верю вам.

И, развернувшись, Джон прошествовал в другую комнату, где тихо беседовали следователи и Ридда. Леонард шел следом за мальчиком и успел увидеть на лице старой женщины толику удивления и гордости, когда Джон подошел и поинтересовался, нужно ли что-нибудь сделать на кухне.

– Было бы неплохо, если бы ты заварил чай, – промолвила Ридда, не отрывая пораженного взгляда от внука.

Когда мальчишка скрылся из комнаты, все три пары глаз уставились на Леонарда. В глазах Бенджамина появилась искра тепла, а Кристофер был обескуражен.

– Вы успокоили его! Он выглядит таким собранным и сильным, – взволнованно вымолвила Ридда, – но как? Как у вас получилось?

– Мы просто поговорили, – пожал плечами Леонард и присел рядом с Кристофером, который удивленно смотрел на него. – Ваш внук сильный. Пройдет время, и он справится с горем.

Снова наступила тишина. Ридда, не отрываясь, всматривалась в лицо Саванта, заставляя того чувствовать себя не в своей тарелке. У этой женщины тяжелый взгляд. Казалось, она с легкостью может видеть то, что не видят другие. Наверняка Ридда хотела сказать что-то еще, но ее прервал следователь.

– Прошу прощения, – заговорил Бенджамин, женщина тут же отвлеклась на него, и у Леонарда чуть не вырвался вздох облегчения, – вы говорили, что помимо пекарни ваша дочь подрабатывала в курьерской службе?

– Да, именно. Она разносила выпечку из пекарни по ближайшим небольшим кафешкам. Знаете, для нас это было значительной надбавкой к ее зарплате. Тем вечером у нее был только один заказ – в кафе, что на выезде из рабочего района, – четко выговорила Ридда, смотря исключительно на следователя. От ее слов Савант ощутил странное чувство тревоги. В том самом кафе они вместе с Райсами и Бенджамином ужинали, когда узнали об убийстве. Не слишком ли много совпадений? К тому же в голове Леонарда вспыхнуло воспоминание о странном мужчине в уборной. Он твердил что-то о запахе гнилья и цветах... О красных маках!

Леонард напрягся, старательно воспроизводя в памяти тот момент. Он помнил все досконально – отвратительные зеленые стены, тусклый свет, встревоженное лицо мужчины.

– На этом все, извините за беспокойство, Ридда. И мы соболезнуем вашей потере, – выговорил Бенджамин, поднимаясь с места. Вслед за ним встали все остальные. Ридда больше не выглядела серьезной и решительно настроенной, как при первой встрече. После разговора об убитой дочери она выглядела так, как и должен выглядеть человек, потерявший близкого – Ридда была растерянной и опечаленной. Когда входная дверь уже была открыта, и Кристофер и Бенджамином вышли, старая женщина ухватила Леонарда за предплечье, заставив остановиться. Он вопросительно посмотрел в ее глаза, в очередной раз поражаясь их яркости.

– Ты не такой как все остальные, не так ли? – тихо спросила Ридда. Кажется, ее вопроса не услышали даже следователи, теперь удивленно смотря на представившуюся сцену. Савант пожал плечами.

– Смотря, что именно вы имеете в виду.

– Я не говорю о твоей особенной медицинской книжке, молодой человек. Не смотри столь удивленно, я всю жизнь работала, облегчая больным людям жизнь, – усмехнулась Ридда. Дыхание Леонарда сбилось, он приоткрыл рот, чтобы хоть что-то ответить, но так и не сказал ни слова. Очень редко люди замечали в нем неполноценного и то, что для Ридды это не стало секретом, удивительно. – Я говорю об этом, – она положила худую ладонь на грудь Саванта в области сердца, – у тебя доброе сердце, полное милосердия. Когда-нибудь именно это спасет тебя или же обречет на смерть.

На этих словах Ридда убрала от Леонарда руки, показывая, что он волен идти.

– До свидания, Ридда, – произнес Бенджамин, но женщина покачала головой.

– Нет, прощайте. Больше в этой квартире никогда не произойдет ничего подобного, а значит, мы не увидимся, – произнесла Ридда и закрыла дверь. Несколько мгновений мужчины молчали, а потом Бенджамин махнул рукой, показывая, что действительно пора идти.

– Что она сказала тебе, Савант? – поинтересовался Кристофер, спускаясь по лестнице рядом с Леонардом. Тот все еще был под впечатлением от последнего разговора с Риддой, и только покачал головой, как бы говоря, что не собирается ничего объяснять. Райс хмыкнул и прибавил шаг, догоняя Бенджамина.

По дороге в полицейский участок Леонард молчал. Обдумывал произошедшее в квартире жертвы, припоминая каждую деталь. Полупустая комната мальчика, шкаф, забитый книгами, твердая кровать и грязь на полу. Свет – тусклый, серый, навевающий тоску и раздумья. Сам Джон – совсем маленький, но уже познавший горе потери родного человека. И то, как он отважно держал себя в руках, понимая, что теперь они с бабушкой остались одни.

Для Саванта это было в новинку. Хотя бы потому, что после смерти матери у него никого не осталось. Отца он никогда не знал, а других родственников не существовало. Повезло уже, что ему было восемнадцать лет, а значит, он считался совершеннолетним и мог распоряжаться своей жизнью, не боясь оказаться в доме для сирот.

После гибели матери Леонард приходил в себя медленно, хоть это и не было заметно по поведению. Он искал и, в конце концов, нашел работу, чтобы зарабатывать на еду и элементарные нужды. Следил за судом над водителем, который погубил мать. Продолжал изучать психологию и штудировать книги по психотерапии. Спал, ел, учился и работал. И так по кругу. Но внутри все время, каждый день, разрывалось стекло, вонзаясь мелкими осколками в органы, особенно сильно задевая сердце. Оно болело, разрывалось на части, и Леонард не знал, как с этим справиться. Помогло время. Однажды, спустя год со смерти матери, он проснулся и не ощутил привычной боли в сердце. Она утихла. Ах, если бы и воспоминания могли утихнуть также просто! Вся память была настолько громкой и ясной, что иногда это заставляло ощущать невыносимую головную боль. Вот и сейчас, обнаружив параллели между Джоном и собой, Савант никак не мог унять нарастающую мигрень.

– Что-то ты плохо выглядишь, Савант, – подметил Кристофер, когда они вернулись в полицейский участок. И хоть в голосе не было и толики сожаления, Леонард удивился, что тот вообще хоть что-то заметил.

Бенджамин тут же посмотрел на Саванта, вглядываясь в лицо. Через несколько секунд покачал головой и отвернулся.

– Тебе стоит пойти домой и отдохнуть, Леонард. Сегодня мы справимся без тебя, – произнес следователь. Леонард кивнул и, махнув рукой на прощание, медленно поплелся в сторону дома. Ему действительно было нехорошо. Казалось, голова вот-вот взорвется от наплывших воспоминаний и эмоций. Сжав губы в тонкую линию, Савант старательно пытался ни о чем не думать.

Придя домой, скинул обувь и, не раздеваясь, упал на кровать и уснул.

Когда Леонард проснулся, за окном стемнело. Шел мелкий дождь, но ветер завывал громко. Наверно, именно из-за шума ветра Леонард и проснулся. Приняв прохладный душ, Савант посмотрел на часы. Почти десять. Если он собирается успеть на встречу с Темпл, то стоило поторопиться. Одевшись, Леонард выскользнул из квартиры, накидывая капюшон, чтобы спрятаться от дождя.

На душе стало тихо и спокойно, головная боль ушла, оставляя гнетущую пустоту. Стараясь не думать вообще ни о чем, Савант доехал на медленном автобусе до центра города и пошел к назначенному месту встречи. В центре было довольно светло – везде исправно горели фонари, освещая ночные улицы и делая их намного привлекательнее, чем в тусклом свете дневного осеннего солнца.

Когда Леонард почти дошел до цветочного магазина Темпл, телефон зазвонил. Остановившись, он достал мобильник и уставился на неизвестный номер. Трель телефона не умолкала, и Савант решил принять вызов.

– Да, слушаю, – ровно произнес Леонард, готовясь к тому, что это будет кто-то из персонала Миддл-Таун. Его частенько вызывали на ночные смены. Вот и сейчас Савант ждал в ответ именно этого. Но он ошибся. Из динамика послышался хриплый и срывающийся голос Темпл Райс.

– Леонард, – еле выговорила девушка, словно заставляя себя произносить слова, – мне нужна твоя помощь. Я... Я...

– Темпл? Что случилось? – Савант и сам не заметил, как сильнее вцепился в трубку, пытаясь сделать так, чтобы голос не звучал столь тревожно. Кажется, Темпл готова вот-вот разрыдаться, и это не на шутку взволновало Леонарда.

– Я в переулке рядом с цветочным магазином. Пожалуйста, приходи скорей! – все же проговорила Темпл и отключилась. Несколько секунд Савант смотрел на погасший экран телефона, а потом рванул к месту встречи. Он чувствовал себя странно – ему было страшно. Но не за себя, а за Темпл. Что же произошло, что девушка была в столь ужасном состоянии?

Оказавшись возле цветочного магазина, Савант прекратил бег, но все еще быстрым шагом направился к темному переулку. Подойдя ближе, услышал всхлипывания. В переулке было темно, но две детали выделялись из общего мрака – серебристые волосы Темпл и белая простыня, на которой лежало тело незнакомой женщины. На намокшей под дождем простыне и обнаженном теле жертвы ярким пятном выделялись красные маки.

В мгновение ока Леонард оказался рядом с Темпл и, приобняв за плечи, вывел вон из переулка. Тело девушки сотрясалось от истерики, она пыталась что-то сказать, но вместо этого из рта вырывались несвязанные рыдания.

– Темпл, Темпл! – четко проговорил Савант, останавливаясь на освещенной улице центрального района города. Он встал напротив девушки, держа за плечи, пытаясь помочь прийти в себя. – Послушай, сейчас я позвоню в участок и вызову полицейских, включая Бенджамина и твоего брата, ясно? И пока они не приедут, я буду рядом с тобой, ты меня понимаешь? Никто тебе не сделает больно, все будет хорошо. Ты в безопасности.

Голова Темпл качнулась, и она попыталась поднять взгляд на Саванта. Это у нее получилось с трудом. Леонард почувствовал боль от того, сколько в зеленых глазах было страха. Темпл насмерть напугана и явно пребывает в ступоре от увиденного в переулке.

Леонард спокойными движениями достал телефон и набрал номер Кристофера, посчитав, что Райс первым должен услышать о произошедшем. Наверняка они с Бенджамином еще в полицейском участке. В любом случае, именно сестра Райса нашла новую жертву, автоматически становясь свидетелем по делу.

– Савант? Чего надо? – взяв трубку, грубо поинтересовался Кристофер. Если бы обстоятельства были другими, то Леонард обязательно сказал бы что-нибудь язвительное в ответ. Но сейчас в его руках трясась от страха Темпл, и он не мог позволить себе думать о чем-либо, кроме помощи ей.

– Темпл нашла труп, – четко проговорил Савант, ощущая, как на том конце провода напрягся Кристофер. – Приезжайте к цветочному магазину вместе с Бенджамином и экспертами, это новая жертва маньяка.

– Едем, – выпалил Кристофер, а потом, с секунду подумав, добавил, – будь рядом с ней, не оставляй одну.

Савант отключился, расстегнул куртку и убрал телефон в карман джинсов. Темпл вцепилась в ткань свитера Леонарда, словно боясь, что если отпустит, то случится что-то ужасное.

– Темпл. Ты меня слышишь? – начал Савант, пытаясь достучаться до испуганной девушки. Она легко кивнула, показывая, что в состоянии реагировать на вопросы. Это было неплохо. Леонард продолжил. – Тебе нужно прийти в себя, Темпл. Я понимаю, что тебе страшно. Я все понимаю. Но ты должна быть сильной.

Девушка молчала, отчаянно пытаясь прийти в себя. Ее колотила дрожь, плащ промок насквозь, поэтому Савант аккуратно снял свою еще не намокшую куртку и накинул на плечи Темпл. Она благодарно посмотрела в ответ.

– Я видела эту девушку сегодня, – вдруг вымолвила Темпл. Потом она сглотнула ком в горле и продолжила. – Я узнала ее. Она заходила ко мне в лавку рано утром, чтобы выбрать цветы.

– Какие цветы? – осторожно спросил Леонард, догадываясь, каким будет ответ девушки.

– Красный маки, Леонард, – проговорила Темпл, а из ее глаз снова полились слезы. – Она купила охапку красных маков.

Ничего не говоря, Савант притянул к себе податливое тело Темпл, заставляя ее уткнуться в его свитер. Она сотрясалась от рыданий, нещадно пропитывая слезами грубую ткань. Но ему было все равно. Сквозь дождь Леонард чувствовал, что от Темпл пахнет теперь не только цветами. Теперь от нее пахло смертью.

Савант мысленно вздохнул с облегчением от того, что жертвой была не сама Темпл.

ГЛАВА 3

Леонард никогда не видел Кристофера настолько встревоженным и не владеющим собой. Как только подъехали полицейские, и машина Бенджамина остановилась возле обмытого дождем тротуара, Райс выскочил и чуть ли не бегом направился к застывшим на одном месте Саванту и Темпл. Девушка цеплялась за Леонарда так, будто боялась, что если отпустит, то произойдет что-то поистине ужасное. Чужая куртка больше не спасала ее от холода. Темпл насквозь промокла от усилившегося дождя. Леонард и сам был весь мокрый, но не жаловался. Он понимал, что должен оставаться уверенным в себе и сильным, чтобы Темпл чувствовала, что она в безопасности. Больше не угрожает опасность.

Когда Кристофер оказался близко к ним, Леонард попытался отодвинуться от девушки, но она не позволила, с неизвестно откуда взявшейся силой, заставляя оставаться на месте. Впрочем, конкретно в этот момент Райсу, кажется, было абсолютно плевать на близость Саванта к сестре. Он смотрел только на Темпл, и на лице легко угадывалась тревога и страх.

– Темпл! Господи, с тобой все в порядке? – подойдя к сестре и Саванту, воскликнул Кристофер. Он окинул быстрым взглядом Леонарда и то, как девушка вцепилась в его свитер. Сам Савант в таком положении чувствовал себя не в своей тарелке. Отчасти он понимал чувства Темпл. Но ему нужно направиться с Бенджамином на место преступления. Именно поэтому он аккуратно положил ладони на руки Темпл и осторожно заставил ее разжать кулачки. Она посмотрела тусклым, затуманенным взглядом, но все же позволила Саванту освободиться из хватки. Руки у девушки заледенели, и Леонард, не контролируя реакцию, поежился от холода.

Из-за всего происходящего у него заболеть голова. Перед выходом он заглотнул несколько спасительных таблеток от мигрени, но, кажется, это мало помогло. В последнее время приступы болезни набирали обороты. Стало трудно сопротивляться желанию лечь в кровать и не вставать, забывая обо всех делах. Леонард знал, что если поддаться порыву и перестать сопротивляться болезни, то станет хуже. Поэтому каждый день преодолевал себя. Странно, но от занятости становилось лучше и легче. И сейчас, понимая, что появилась новая порция работы, Саванту не терпелось оказаться в гуще событий. Быть может, головная боль оставит его в покое.

– Она в порядке, просто в шоке, – спокойно произнес Леонард и отошел в сторону, освобождая место для Кристофера. Тот с намеком на благодарность во взгляде зеленых глаз подошел ближе к сестре. Его руки опустились на ее плечи, и девушка подняла взгляд на брата. Савант решил не мешать столь личному моменту семьи Райсов, поэтому отвернулся. – Я пойду на место преступления, тебе стоит остаться с Темпл.

– Да, да, конечно, – ответил Райс, кивая и смотря исключительно на Темпл. Она снова уперлась взглядом в асфальт, словно ничего более интересного в жизни не видела. Даже на значительном расстоянии Леонард мог видеть, что ее бьет дрожь. Но он не мог позволить себе думать о состоянии Темпл. Появилась новая жертва, а это значит, что несколько частей мозаики обязаны встать на свои места в общей картине. Саванту необходимо быть там, на месте преступления. Дождь и так нещадно смывал возможные улики, времени оставалось совсем мало. Почему-то именно в этот момент Леонард был четко уверен в том, что со второй жертвой появились и зацепки, которые дадут шанс понять убийцу.

Полицейские работали оперативно. На месте преступления организовали все условия для качественного выполнения деятельности экспертов и следователей. Ответственные люди поставили прожекторы, яркой желтой лентой оградил местность от возможных прохожих. Хотя Леонард и сомневался, что кто-то осмелится выйти на улицу в столь пасмурную погоду, да еще и ночью. Тем не менее нельзя рисковать и подвергать мирных людей панике.

Было ясно, что средства массовой информации больше не будут молчать. Вторая жертва маньяка являлась сигналом о серьезности расследования. Савант мысленно представил шокирующие заголовки в утренних газетах и покачал головой. Это только даст толчок возникновению паники среди общественности, не более.

Бенджамин, сидя на корточках возле тела, пристально рассматривал жертву. Когда к нему быстрым шагом подошел Леонард, он даже не вздрогнул, словно заранее знал, кто придет. Уокер поднялся на ноги, поправил строгие брюки, и взглянул на Саванта.

– Это точно дело рук нашего маньяка с красными маками. Что можешь сказать? – спросил Бенджамин, давая Леонарду возможность лучше рассмотреть труп. Тот несколько минут аккуратно перемещался вокруг, высматривая малейшие намеки на пути выхода на убийцу.

Вторая жертва была в таком же состоянии, что и первая. Разве что изрядно потревоженная сильным дождем. На фоне белой промокнутой простыни, бледное тело с признаками трупных пятен фиолетово-синей окраски казалось каким-то нереальным, вырванным из ужасных историй об убийствах. Темные волосы жертвы были такими же мокрыми и прядями лежали на белой ткани. Красные маки, беспорядочно разбросанные вокруг и на теле, прикрывали наготу. Они сильно намокли и уже завяли, приобретя скорее темно-вишневый, чем алый, оттенок. Создавалось впечатление, что план убийцы, его техника или изюминка преступления, нарушились из-за дождя. Маньяк явно не желал, чтобы тело нашли в подобном состоянии. И это, по мнению Леонарда, было первой зацепкой в деле.

– Мы не должны были найти ее в таком состоянии, – начиная рассуждать, проговорил Савант. Вокруг сновали полицейские и медэксперты, но его это совершенно не тревожило. Сейчас, в этом освещенном прожекторами переулке, были трое – он, жертва и Бенджамин Уокер. Следователь внимательно вслушивался в каждое слово. Если бы еще мигрень исчезла! Савант старательно не реагировал на разгорающуюся боль в голове. Он должен правильно интерпретировать все, что видит, а это требовало трезвости мыслей. – У нашего маньяка есть стиль, своя стилистика преступления. Он оставляет тела красивыми и ухоженными, но полгода определенно спутала его планы. Тем не менее дождь льет второй день, а Темпл сказала, что видела эту женщину сегодняшним утром. Почему убийца не повременил с новым преступлением? Почему провел ритуал, несмотря на то, что его явно не устраивали обстоятельства, которые он не мог изменить?

– По-твоему, у него есть план? – спросил Бенджамин, мрачно всматриваясь в лицо жертвы. – Что-то наподобие расписания? И он не может отступить от него, несмотря на неподходящие условия?

– Да, я именно об этом и подумал, – согласился Савант и поманил к себе ближайшего медэксперта. – Прошу прощения, не одолжите перчатки?

Медэксперт без возражений дал Саванту белые перчатки, и Леонард присел на корточки возле женщины. Он аккуратно убрал несколько мокрых цветков мака с тела жертвы, открывая взору шов на груди. Несмотря на бледность мертвого тела, шов казался красноватым в свете прожекторов. Также Леонарду показалось, что в этот раз шов и сам разрез не были столь аккуратными, как на теле первой жертвы. Словно маньяк в спешке совершал свой кровавый ритуал.

– После операции прошло намного меньше времени, чем в случае с первой жертвой, – заключил Савант. Потом осторожно ощупал шею женщины, замедляясь на припухлом участке. – Вот здесь. Сюда был сделан укол сильнодействующего средства, чтобы жертва потеряла сознание. Томпсон что-нибудь выяснил по составу лекарства?

– Нет, еще нет, – покачал головой Бенджамин. – Но обнадежил, что к утру отчет будет готов.

– Это хорошо, – кивнул Савант, чуть поворачивая голову жертвы, осматривая затылок. – Погоди-ка.

Бенджамин нагнулся, чтобы лучше увидеть то, что обнаружил Леонард.

– Ничего особого не вижу.

– Следы крови смыты, да, – согласился Леонард. – Но я четко ощущаю шишку на затылке. Возможно, после введения жертве лекарства, она очнулась быстрее, чем началась операция по извлечению сердца. Именно поэтому убийца нанес удар по затылку женщины, чтобы она вновь потеряла сознание. Я думаю, что из-за этого операция прошла не столь идеально, как в первый раз. Внезапное пробуждение жертвы потрепало нервы убийце. Но это, к сожалению, ничего не изменило.

– Вот ведь сволочь, – выругался Бенджамин.

Устроив голову жертвы так, как и до осмотра, Леонард поднялся на ноги, стягивая перчатки с рук. Умиротворение после дневного сна давно исчезло, перебитое головной болью и беспокойством за Темпл. Смотря на жертву, Савант ощущал странное чувство горечи. Леонард пытался представить человека, способного на подобное. Впрочем, на Земле-3 законы жестоки. Неудивительно, что люди сходили с ума и превращались в чудовищ. Другое дело, что отловом подобных экземпляров занимались все, кому не лень. Всего несколько лет назад на Земле-3 огласили закон, разрешающий мирным гражданам применять силу и подручное оружие для обезвреживания и доставки правительственным органам свихнувшихся или представляющих опасность обществу субъектов. По каким именно критериям люди становились такими субъектами, выявлено не было. Проще говоря, правительство давало шанс людям получить вознаграждение за сдачу потенциального преступника или неполноценного властям. Таким образом они пытались обеззаразить общество, не понимая, что сами же и давали заразе шанс широко распространяться на улицах города.

Кристофер появился спустя некоторое время. Полицейские продолжали работать на месте преступления. Савант и Бенджамин следили за тем, как тело жертвы в черном мешке аккуратно увозят на машине медэкспертов в полицейский морг. Райс выглядел опустошенным и бледным, и Леонард тут же подумал о том, как же себя чувствует Темпл. Удивительно, что он смог выкинуть мысли о ней из головы. Но осмотр тела на месте преступления в тот момент казался более важным делом, чем попытки привести девушку в порядок. Ему хотелось узнать, все ли с Темпл нормально. Успокоилась ли она, и прекратился ли озноб. Отвели ли ее домой, или же ей предстоит давать показания прямо сейчас. Но Савант молчал, опасаясь вызвать гнев Кристофера вопросами, и был ужасно благодарен Бенджамину, что тот сам спросил все у Райса.

– Как твоя сестра? – поинтересовался Уокер. В голосе появилось беспокойство. Леонард понял, что Темпл знакома с Бенджаминем давно, раз уж называет его «дядя Бен». Неудивительно, что Уокер переживает за нее. Савант вообще не раз замечал, что Бенджамин относился к ним с Кристофером чуть ли не как к сыновьям. Своих детей у старшего следователя не было. Возможно, что и к Темпл Уокер относился, как к дочери? Но, если Леонард и Крис могли за себя постоять, то вот способность девушки справиться с подобным шоком под вопросом.

– Она более-менее успокоилась. В шоке, замерзшая и заплаканная, но в безопасности, – выдохнул Кристофер и покачал головой. – Не могу поверить, что именно Темпл нашла второй труп. Что же за невезенье такое!

– Почему невезенье? Грубо говоря, наоборот повезло, что труп обнаружили так быстро, – проговорил Савант, Кристофер недовольно посмотрел на него, и Леонард тут же добавил. – Я понимаю, что она – твоя сестра. Но все это дает шанс быстрее отреагировать. Возможно, благодаря зацепкам и анализу второго тела мы сможем предотвратить следующее убийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.